

ЛЕБЕДИНСКАЯ В. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛЕБЕДИНСКИЙ Борис Иванович. Художник, график, офортист. Проживал в Иркутске, с 1918 — преподаватель живописи; заведующий картинной галереей в музее. Женат на Вере Федоровне Лебединской, в семье — дочь. В 1929 — выехал с женой в Ленинград, работал научным сотрудником и художником в Географическом музее. 3 марта 1933 — арестован, 30 марта освобожден. 8 мая арестован по групповому делу, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен Белбалтлаг. 19 мая 1934 — благодаря ходатайству Помполита был освобожден из лагеря с ограничением проживания на оставшийся срок (-6). Поселился с семьей в Старой Руссе.

В ноябре 1934 — его жена Вера Федоровна Лебединская просила помощи Екатерины Павловны Пешковой для себя.

<7 ноября 1934>

«Старая Русса,
7-е ноября 1934 г<ода>».

Добрейшая, глубокоуважаемая
Екатерина Павловна!

Простите, что вновь беспокою Вас, но внутреннее чувство диктует мне то, что сейчас изложу. Диктует именно для Вас, не для кого другого.

Может быть, тому причиной отзвывы, которые сопутствуют Вам, быть может, врожденный инстинкт познания чутких людей.

На сей раз просьба моя касается лично моей печали, печали разлуки с дорогой, обожаемой с детства матерью моей.

18-ти летняя разлука породила нестерпимую душевную боль, тоску по близкому, родному человеку, по годам уже приближающемуся к тому возрасту, когда можно ожидать всяких болезненных эксцессов. Тоска моя по матери растет с каждым днем. Она парализует все мои способности, волю, энергию.

Мне буквально все опротивело. Всякую работу проделываю ценой колоссальнейшего напряжения воли и чувства долга по отношению к дочери и мужу.

Чувствую, что часто, обуреваемая тоской по матери, я становлюсь вредителем в семье, в жизни вообще.

Ничего не могу с собой поделать. Тоска сильнее меня, всех доводов рассудка. Должно быть, мамочка так же остро-болезненно переносит разлуку с единственной своей дочерью, что передается волнами эфира.

Прошу Вас: войдите в мое положение и посодействуйте моему свиданию с матерью, как год тому назад посодействовали моей просьбе, касающейся мужа. Ему я отдала все свои силы, все лучшее, чем обладала. Все запасы мои иссякли. Только наполненный сосуд способен утолять жажду. Опустошенный, сами знаете, только увеличивает муки жажды.

Войдите и в положение моей матери, не только разлученной с единственной дочерью, но еще даже не видевшей своей единственной внучки, уже тринадцатилетней. У мамочки мы обе оправились бы, приобрели новый запас сил, энергии (ибо радости окрыляют, воскрешают).

Кроме того, я бы привезла кое-что в пополнение хозяйства, разрушенного до последней степени нужды.

Наконец, может быть, мне удалось бы и своих потом привезти, повидать СССР (моя мать родилась в С<анкт>-Петербурге и любит свою родину, тоскует по ней, насколько можно понять из ее и отчима писем).

Неужели я, всю жизнь свою в замужестве работавшая и на гражданской службе в течение 8 лет, и 18 лет за домработницу, прачку, поломойку, воспитательницу, портниху и сестру милосердия, с заменой иногда даже врача, не заслужила хотя бы месячного отдыха и свидания с дорогим человеком?

Муж еще из Сибири приезжал в командировку в Центр, повидал своих, как и год тому назад. Почему же мне отказано в этом? Разве я не такой же человек, я, работавшая по двое, трое суток подряд, без отдыха, сна и замены?

У нас так много пишется о защите матери и ребенка. Где она, эта защита? Где права женщины?

Почему многим возможны поездки за границу, многим власть и средства имущим? Только тем, кто не имеет ни средств, ни связей, ни власти, отказывается в последней радости.

Я устала быть чернорабочей, имея право учить многих.

Наконец, разве не должно, ради детей, ради нового поколения, оберегать музыкальные руки? Они могли бы с большей пользой пригодиться в прямом своем назначении. Почему женщины не помогают женщинам в совершенствовании, шлифовке талантов, как это делают друг для друга мужчины? Быть может потому, что еще и не насчитывается женщин-композиторов, импровизаторов?!

Моя мать была отмечена музыкально-педагогическим миром еще с детства. За неимением средств ей была предоставлена возможность бесплатного самосовершенствования.

Ее композиции переняла я, вместе с даром импровизации, но жизнь сложилась по какому-то роковому плану провидения, который никак не отбросить и теперь.

Дочурка унаследовала муз<ыкальн<ый> талант, но и ей не удастся учиться в этой области. Болезненное состояние мужа, его взгляд на музыку, как и на роль женщины в жизни не совпадают с моими и ребенка запросами и силами.

Отдохнув у матери, я сумела бы найти твердую почву для себя с тем, чтобы дать своей дочери необходимое.

Сейчас, в тех условиях нужды и загнанности, в каких живем мы, невозможно даже подумать о восстановлении здоровья, не говоря уже о расцвете сил.

А ведь я еще нужна своему ребенку. Нужен и отец, хотя и в меньшей мере для девочки.

Правда, судьба не спрашивает желаний людей, но и она же и дала им познание мер справедливости.

Разве не так?

Подумайте, наконец, какую повесть смогло бы породить мое свидание с мамочкой, свидание ее с внучкой. Ведь матери уже за шестьдесят! Г<ород> Ревель рукой подать от Ленинграда и Москвы, и еще горше сознавать, что так “близок локоть да не укусить”!..

Екатерина Павловна! Может быть, Вы научите меня, как действовать в направлении заветной цели?

Муж, потерявший веру в себя как художник, перестал творить, равно как и отдавать свои произведения на критику публики.

Он, как крот, зарылся в свою нору и боится напомнить о себе.

Он наполовину ненормальный. Поседел, постарел, опустился. Тяжело смотреть, как гибнет талант!

Вы, человек эстетности, вкуса и интеллекта, конечно, поймете все, что кричит от страданий современных уродств. Они изживаются, но, увы, ужасно медленно, вразрез общим темпам.

Почему не строятся дворцы там, где на месте весь строительный материал, масса целебных источников, питательные базы и лечебные климатические условия? Например, — на так называемом втором Аршане? (Сибирь, у Верхнеудинска, в тайге).

У мужа имеются богатые снимки, как эти сочные, верно переданные этюды вышеуказанных мест. Сам он рвется туда же. Для художника, как и для всякого эстета, Сибирь — непочатый край впечатлений, целебных средств и богатств.

Побывав у матери, мы могли бы более пригодиться Сибири, нежели грязной, упрямой, малокультурной, а главное — для нас троих вредной Старой Руссе.

Поместите рыбу в воду, птицу в ее воздушную среду, дикое животное в дебри — все будет полезно и на соответствующих местах.

Так же и человеку каждому должна быть дана соответствующая ему обстановка, условия, в которых он мог бы дышать, быть здоровым, а, следовательно, приносить пользу и другим.

Кто рвется к музыке, понимает ее, чувствует, того грешно оставлять без помощи, без нужного для него!

Простите мое многословие, но, умоляю, вникните в него терпеливо. Тогда, я уверена, Вы и на этот раз пойдете ко мне навстречу, проявите свою большую любовь к человеку вообще.

С глубоким уважением

Эдита-Эмилия-Анна-Вера Фера-Лебединская.

Р. С. Заказные письма мои к мамочке почему-то пропадают»¹.

В декабре 1934 — заведующий юридическим отделом Помполита сообщил Вере Федоровне Лебединской.

<28 декабря 1934>

«В. Ф. Лебединской.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что хлопотать по В<ашему> делу в настоящий момент не представляется возможным.

В своем письме Вы не сообщили, где именно проживает В<аша> мать и куда Вы хотите ехать»².

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1167. С. 60-63. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1167. С. 65. Машинопись.